

Так уж сложилось, что почти вся моя жизнь так или иначе была связана с газетой «Южный Урал». Первые мои фотографии, когда я едва ещё научился ходить, сделал фотокорреспондент газеты Игорь Иванович Баранов, первая официальная, вне дома, новогодняя ёлка с Дедом Морозом и Снегурочкой прошла в редакции «Чкаловской коммуны» (с 1938 по 1957 год наш город и область носили имя легендарного лётчика, соответственно менялось и название газеты), мои первые, небольшие заметки были опубликованы в «Южном Урале» в далёком уже 1967-м и в том же году мне посчастливилось побывать на вечере, посвящённом полувековому юбилею газеты, и оставил он неизгладимые впечатления.

Начиная с середины 90-х годов минувшего столетия, я стал активно писать в «Южный Урал», получил удостоверение внештатного корреспондента, познакомился почти со всеми журналистами газеты, но многих

знал и ранее, потому что дружил с «племяшами», как любовно называли журналистов газеты «Комсомольское племя», многие из которых переходили потом на работу в «Южный Урал».

Но ещё в 50–60-е годы к нам часто приходили в гости журналисты, писатели и говорили, как и принято на Руси, о работе, о литературе, и вольно или невольно я слышал и слушал их разговоры. Сохранились в памяти и воспоминания отца о работе в газетах ещё в довоенное время и если я сейчас об этом ещё раз не вспомню и не расскажу, то, наверное, никто уж и не расскажет.

1

В середине 30-х годов прошлого века направили на работу в «Южный Урал» четырёх журналистов из Москвы, из газеты «Комсомольская правда». Талантливые были ребята и умели из любой «серенькой» статьи сделать интересный материал, ничего не придумывая и не искажая факты: выделяют, обозначают главное, подработают в художественном плане, поменяют заголовок, — смотришь, вышел актуальный материал, отклики на него поступают... Их признали «врагами народа» и расстреляли.

Такая участь постигала многих. Отец в разгар репрессий работал редактором новоорской газеты «Сталинец». Возможно, это и спасло его от печальной участи: в райцентрах, где все знали друг друга, поиском «вредителей» и

прочих «враждебных элементов» занимались неохотно, хотя на партсобраниях отцу нервы трепали. Но имелся у него если не бронжилет, то защитный жилетик: выходец из бедных крестьян, в 16 лет подался в Ульяновск, работал истопником, жил в ночлежке. Образование — четыре класса церковно-приходской школы. Потом уж, после Великой Отечественной войны, с должности заместителя редактора «Чкаловской коммуны» направили его на учёбу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. А там надо сдавать приёмные экзамены за 10 классов! Что делать? Посоветовали отцу написать письмо Маленкову, что он и сделал. Пришёл ответ с резолюцией, написанной синим карандашом: «Допустить к приёмным испытаниям. Г. Маленков». Экзамены отец вовсе не сдавал, а через три года закончил ВПШ с отличием, получив сразу высшее образование.

И вот что интересно: письмо отца направили в секретариат Маленкова с нарочным, а уже на третий день оно вернулось с резолюцией.

В послевоенные 50-е годы работа журналиста была тяжёлой, изнурительной, о каком-либо нормировании труда и речи не шло. И коллектив был почти полностью мужской, разве что в машбюро и в корректорской слышались женские голоса. Газета выходила ежедневно, кроме понедельника, на четырёх полосах большого формата; транспорт,

связь — как получится, кому как повезёт; разработка макета, вёрстка — сложнейшие технические задачи, требовавшие и немало литературного мастерства, а порой двум журналистам приходилось делать целую полосу — немыслимая нагрузка по меркам сегодняшнего дня. Работали допоздна, иногда

до предраусветных сумерек, впрочем, не только в газетах. Сталин работал по ночам, и вплоть до смерти вождя

в марте 1953 года в партийных, советских органах, на промышленных предприятиях и в редакциях газет до самого утра дежурили ответственные работники: а вдруг вождь позвонит? А ведь мог. Осенью 1942 года, пожалуй, в самые тяжёлые месяцы для нашей страны, Сталин позвонил на Орский нефтеперерабатывающий завод, разговаривал с оператором установки.

Но надо сказать, что была у журналистов и одна привилегия: в буфете они могли купить буханку хлеба.

Вплоть до середины 50-х годов хлеба не хватало, за ним загодя выстраивались очереди, потому как никто не знал, когда

Творческий коллектив «Чкаловской коммуны», март 1947 года. Крайний справа — редактор газеты Григорий Яковлевич Мальванов, рядом с ним — замредактора Виктор Александрович Шурыгин (будущий первый секретарь обкома КПСС), крайний слева — мой отец, Фёдор Ефимович Миронов, зав. сельхозотделом.

на горизонте появится телега с синей будкой, запряжённая лошадкой: в час дня или в четыре. Но очереди, особенно до поступления хлеба, были явлением нежелательным для партийного начальства, и велено было конной милиции за этим строго следить. Один из хлебных магазинчиков располагался тогда в подвальчике дома, что на перекрёстке улиц Правды и Пролетарской, аккуратно напротив дома, где сегодня располагается магазин «Цветы». А улица Правды была вымощена бульжником и сорванцы с соседних дворов придумали для себя забаву: прихватив припасённые гольши и спрятавшись за углом на безопасном расстоянии,

начинали стучать гальками по мостовой, имитируя стук лошадиных копыт. Очередь быстро растекалась, расплывалась по дворам и переулкам, чтобы через пару минут, когда обман раскроется, чертыхаясь, опять собраться, выясняя, кто за кем стоял. А через полчаса опять: цок-цок, цок-цок! — галькой по булыжнику.

В те же пятидесятые в качестве приложения к «Чкаловской коммуне» выходила газета «Литературный Чкалов». Публиковали в ней отрывки из произведений уже известных писателей — А. Горбачёва, А. Рыбина, стихи и рассказы молодых дарований, рецензии и критические статьи С. Лубэ, юморески и сатирические заметки, басни М. Артицева — на всё чудесным образом

хватало места. Расходилась она влёт, как горячие пирожки в студенческой столовой. По какой причине прекратили её выпуск, не знаю, но в начале века нынешнего я носился с идеей возрождения областной литературной газеты. Разговаривал со многими, но искренний интерес проявил только Николай Фёдорович Корсунов, возглавлявший тогда областное отделение Союза писателей России. Однако ж, когда собрал он близкий круг мастеров пера, то реакция была вялой, словно речь шла о чём-то далёком и непонятном.

Позже Николай Фёдорович сокрушённо разводил руками: «Ну что я могу сделать?» Мне же до сих пор жаль забытой идеи. Денег на это надо — кошканы слёзы, а ведь мы уже потеряли

Новогодняя ёлка в «Чкаловской коммуне», 1951 год. В центре (платье в горошек) — Татьяна, дочь корреспондента газеты «Правда» Виктора Макаровича Мальпина, третий справа (нижний ряд) — автор этой статьи.

статус самой читающей страны мира. Через одно-два десятилетия Интернет затмит всё, а вот многие ли молодые люди могут похвастаться, что прочли «Войну и мир», «Тихий Дон», а не только их краткое содержание?

Через Интернет сейчас вербуют в ИГИЛ, предлагают подросткам совершать суицид, и всеобщая глобальная интернетовщина ещё покажет всему человечеству «кузькину мать».

Однако ж пора рассказать о том, как отмечали полувековой юбилей самой главной на то время областной газеты.

Да и не только об этом.

2

Юбилей газеты отмечали в ДК имени Дзержинского, куда пригласили и представителей других творческих профессий. Торжественная часть длилась недолго, и я её вовсе не запомнил, а вот в небольшом зале для банкета всех ожидал сюрприз: в те годы в «Южном Урале» работали художники, и на стенах были развешаны дружеские шаржи на сотрудников газеты, включая и технический персонал. Шаржи были выполнены в цвете, на больших листах ватмана и сделаны с любовью и тёплым юмором, ни в коей мере не обидным. Готовили их, конечно, загодя и под большим секретом, а в мастерски созданных рисунках, как и в хороших литературных произведениях, есть душа, они

источают музыку, и шаржи рассматривали, читали, обсуждали и... улыбались.

Наверное, именно работа художников «Южного Урала» и создала непередаваемо тёплую атмосферу праздника и оставила неизгладимые впечатления.

В банкетном зале стояли столы на четверых, на каждом по бутылке вина и водки, неплохие по тому времени закуски, официантки вмиг разнесли горячие блюда.

Позже в одном из помещений стали крутить короткометражные документальные фильмы, рядом под ненавязчиво тихую музыку скучали немногочисленные танцующие пары; работал и буфет, где желающие, уже за плату, могли «усугубить», и буфетчице под конец вечера присесть было некогда. Впрочем, здесь вполне уместно вспомнить слова Чехова: «Я был также изумлён, как если бы вдруг встретил непьющего репортёра».

Отца на вечер пригласили (в то время он работал начальником обллита), он захватил меня с собой, а за один столик отцу предложил сесть редактор газеты Пётр Миронович Рыбаков. Рядом расположился его заместитель Григорий Кузьмич Стаценко, ну а куда ж меня-то было девать? Удосужилось и мне сидеть рядом с ними.

Обстановка в зале царила непринуждённая, журналисты

подходили к другим столикам, чтобы ещё раз поздравить собратьев по перу с праздником, но осталось в памяти чувство щемящей жалости к талантливому поэту фронтовику А. А. Возняку. Что-то, видимо, произошло накануне, может, Александра Александровича попросили написать заявление об увольнении, того не знаю, но говорил он редактору: «Нет, нет, Пётр Миронович, я не обижаюсь, я всё понимаю». Был он невесел, какая-то душевная боль исходила от него, которую он, видимо, и пытался заглушить известным русским способом.

Но Пётр Миронович Рыбаков был прекрасным человеком, журналистов в обиду не давал, и быть того не могло, чтобы он не позаботился о дальнейшей судьбе поэта.

А газета в те годы была очень востребована, доходила до самых отдалённых деревень и посёлков, для тысяч семей она являлась единственным средством связи с «большой землёй», и в «Южный Урал» люди обращались часто, порой, как в последнюю инстанцию, где можно найти защиту и добиться справедливости, и негоже было, если б встречал посетителей журналист весьма помятого вида или, тем паче, с запашком.

И письма в редакцию приносили мешками. В разные годы в «Южном Урале» были постоянные рубрики: «Вести с почтовым штемпелем», «Короткой

строкой», «Письма читателей», «Письмо позвало в дорогу» и др. По количеству писем и их содержанию вполне можно было судить о положении дел в районе, посёлке, даже в отдельно взятом хозяйстве.

Здесь надобно отметить, что в «Южном Урале» работали многие оренбургские писатели. На страницах газеты блистали Сергей Бурдыгин и скромный, неутомимый труженик Александр Филиппов, не всегда «в кон» (то о бузине, что вымахала в огороде, то о дядьке, который вдруг объявился в Киеве), но всегда небезынтересно писал Владимир Одноралов; читатели и сейчас, наверное, помнят проникновенные, наполненные тревогой, статьи Надежды Емельяновой о культуре и видных её деятелях. Два года подряд бывший секретарь Оренбургского отделения Союза журналистов России Валентина Ивановна Овсейко просила меня дать оценку творчеству журналистов районных, городских и областных газет, писавших об экологии, и оба раза нельзя было не признать приоритет поэтессы Натальи Кожевниковой, которая со страниц «Южного Урала» отчаянно боролась за сохранность Бузулукского бора.

Сегодня в газете плодотворно трудится политический обозреватель, мастер журналистских расследований Владимир Напольнов.

В начале 90-х всё изменилось в нашей стране. В очередной раз, изумив весь мир, мы стремительно ворвались в «цивилизованный рынок». Закрывались сотни предприятий, миллионы людей остались без средств к существованию, зарплату не выдавали месяцами. Образовался знаменитый «русский крест», когда смертность — резко вверх, рождаемость — камнем вниз. Молодёжь в основном осталась не у дел, люди старшего поколения оказались чудовищно обманутыми в своих надеждах и ожиданиях. В то же время за рубеж пошли тысячи эшелонов с ценными грузами, сказочно обогатились сырьевые отрасли; в одночасье возникали баснословные состояния, которые с попытками и убийствами стремились изъять быстро народившиеся преступные группировки.

Тяжёлые времена наступили и для «Южного Урала». Цензуры, правда, никакой, но журналистов, особенно в мегаполисах, могли

убить, покалечить. Сыпались упрёки и угрозы и в адрес «Южного Урала». Нам всё же хватило национальных богатств, духовных и физических сил, чтобы выстоять и выжить. В очередной раз.

В те годы я и начал писать. Ночь без сна, несчётное количество чашек кофе, пачка выкуранных сигарет, — к рассвету черновик статьи готов. Но в профессиональную журналистику я ушёл только в самом начале нынешнего века. Через три месяца начал издавать газету «Русский путь», ещё через три стал главным редактором небольшой областной газеты. Но дальнейшая журналистская судьба у меня сложилась неважно, если не чёрной полосой, то тёмно-серой.

В том есть доля и моей вины, но и в полной мере я почувствовал, что значит получать удары от людей, которым верил больше, чем самому себе.

Впрочем, это уже совсем другая история, другие герои и другие действующие лица.

И Бог нам всем судья.